

Современная русская поэзия

ГАЛИНА
ЦЕЛИЩЕВА

Звезда любви

Стихотворения

Галина ЦЕЛИЩЕВА

Звезда любви

Стихотворения

г. Москва
«Российский писатель»
2009 г.

УДК 882
ББК 84 (2Рос =Рус)6-5
Ц 17

Галина Целищева. Звезда любви. Стихотворения. Серия «Современная русская поэзия». М.: «Российский писатель», - 2009. - 136 с.

В книгу Галины Целищевой – поэта и прозаика, члена СП России, лауреата литературной премии им. А.П.Чехова, кавалера Золотой Есенинской медали – вошли избранные стихотворения из поэтических сборников «Время перемен», «Откровение», «В потоке солнечного ветра», «Серебряный рыцарь», а также, новые произведения, опубликованные в журналах «Молодая гвардия», «Академия Поэзии», «Московский Парнас», «Поэзия».

Творчество Галины Целищевой отличается глубиной и удивительной открытостью чувства, изысканная простота и, вместе с тем, предельно емкая изобразительность поэтического слова.

ISBN 978-5-91642-011-1 © Г.И. Целищева
© «Российский писатель»

ПРЕДИСЛОВИЕ

Славная душа у Галины Целищевой — душа Поэта: ясная, восторженная и мудрая!

Ясность её — нет в ней туманной недосказанности и личного недопонимания того времени и мира, в котором она живёт, заботясь, радуясь и торжествуя:

*Я все, что было
лучшего на свете,
впервые увидела наяву.
Ты подарил любовь,
рассвет и ветер,
и мир,
в котором я теперь живу.*

Тонкий лирик, она очень свободно и очень самобытно улавливает связь между собой и природой. Да, так и должен ощущать себя человек. Мы с природой — два вдоха, две песни, два существа единого пути и порыва:

*Рамка зеркальца озерного
изгибается слегка.*

*Бродят вздохи ветра вздорного
в сизых лапах тальника.*

Какая точность, зоркость наблюдения за состоянием окружающей жизни в миг поэтического возбуждения воли и духа!

Но счастье любви, ликование свиданий, тоску разлук, благодарение Богу и предначертанной судьбе Галина Целищева несёт не только себе, дому своему, а всей Земле, миру всему, — когда она излучает и принимает светоносный прилив чувств родного друга.

*Взлетали вместе...
Мир вокруг — безбрежен.
Любовью назывался наш полёт.
Ты был неистов, яростен и нежен
и растопил предубеждений лёд.
И был закат невероятно алым,
зажженным от огня твоей души,
и на закате сопка так пылала,
что никогда её не потушить!*

Вот так! И только так! От всей души! От всего сердца!

Стихи Галины Целищевой поражают ненаигранной русскостью. Они дышат жаром преданности и верности родной земле:

*Её пути — небесные, земные —
кровавый след на гордом кумаче.*

*Быть русским — значит
созерцать Россию
в возвышенном, божественном ключе!*

В страстных поэтических строках — память предков, былина, сказка, молитва и песня. Они живут в её окрылённой душе, звенят в каждом искреннем слове.

И разве случайно Галина Целищева несёт через жизнь свою, через творчество своё трепетное уважение к выдающимся поэтам — Василию Федорову, Павлу Васильеву, Василию Никонову, сибирякам, землякам знаменитым!

*Стихи их — молитвы,
их души — как раны.
Поэты — как свечи,
поэты — как храмы!*

Добрая сердцем, сильная волей Галина Целищева как бы расставляет на собственном пути золотые свечи благодарности и преклонения.

А, обладая светлой и открытой душой, она откровенна в каждом поступке, в каждом слове. Это лишь самовознесённому «пророку» или заласканной «попрыгунье» кажется, что поведение писателя — одно, слово — другое. Нет! Каков ты в жизни, таков ты и в слове! Если действия твои лживы, то слово непременно отомстит и выйдет из повиновения истине... И потому Галина Цели-

щева никогда не суетится, не кидается по разным «литклубам», а идёт тернистой дорогой писателя четко, собранно и честно.

Такая она есть и в годы обучения на Высших Литературных Курсах Литературного института им. А. М. Горького.

Я верю высокому дарованию Галины Целищевой. Верю её возвышенным заботам и чаяниям.

Верю её вдохновенному слову.

Валентин СОРОКИН

*Лауреат премий Ленинского Комсомола,
Государственной премии РСФСР
им. А. М. Горького, Международной премии
им. М. А. Шолохова и премии С. А. Есенина*

*1. «С рождением
обретая целый мир...»*

ВЕРШИНА

Вере

Вершина, Вершина — деревня в Сибири...
Какие названья нам предки дарили!
Какие дарили преданья и были!
Спасибо, что пели, любили и были!

Вершина, Вершина... А что это значит?
Подъёмы к высотным вершинам маячат,
и — щедрые звёзды на маковках сосен,
луна — на рогах величавого лося...

Расти на Вершине - пытаться с пелёнок
подняться на крылья.
— Лети, соколёнок!
И будут учить:
— Действуй гордо и прямо! —
еще молодые — отец мой и мама.
— Везде — в самолёте, в вагоне, в машине,
ты помни, что место твоё — на Вершине!

Стихия полёта, восторг восхожденья...
Мне скоро родиться.....
Рожденье...
Рожденье...

ПОДАРКИ

Покосным летом,
ветреным и жарким
(в нем душные бродили сквозняки),
ты подарил мне
первые подарки:
закат у пламенеющей реки,
тугих стогов
дурмящие груди,
над головой —
в гиляндах — купола,
туман, в котором исчезали люди,
слезу смолы шершавого ствола.
В парной запруде —
пение лягушек,
крапивы отрезвляющий ожог,
охапку сена —
мягче всех подушек
и поцелуя судорожный шок...
Я все, что было
лучшего на свете,
впервые увидела наяву.
Ты подарил любовь,
рассвет и ветер,
и мир,
в котором я теперь живу.

ВРЕМЯ ПЕРЕМЕН

Всё смешалось:
дорога- скатерть,
день и ночь,
огонь и зола,
светлый храм
и нищая паперть,
жизнь и смерть,
хула и хвала.
Не своё каждый
занял место.
Всюду – руку
моет рука.
Примеряет
мудрец известный
на себя
колпак дурака.
Проживаем в миру –
не в мире.
Не поймёшь:
где мир, где война.
Оказалась
мишенью в тире
наша жизнь.

И грош — ей цена!
Разорвав
всю страну на части,
век и сам
идёт на излом.
А Добро,
пришедшее к власти,
обернётся
кровавым злом.
Все смешалось:
рубище с платьем,
форум стал
похож на базар,
смех и грех,
молитва с проклятьем
и с яичницей
Божий дар.
Этот мир
безнадёжно болен —
не поможет
помощь врача.
Сотворил
актом доброй воли
он и жертву
и палача.

Уезжаю
пока не поздно,
ничего
не прося взамен.
Так совпал
серебряный возраст
с ожиданием
перемен.
Высоко летать —
больно падать!
Я вернусь,
когда выйдет срок.
Я молюсь на Тебя
на запад,
а алтарь глядит
на восток.

АЗИЯ

Как пуп Земли — долина на Ононе...
Такыр — морщины времени на ней.
Средь жестких трав - выносливые кони —
потомки чингисхановских коней.

Не долетают ветры с океана...
Долина лижет илистую пыль.
Дыханье Гоби и Такла-Макана
расчесывает шелковый ковыль.

Гнетет людей Востока постоянство.
Кочевники и воины вдали
несут в себе величие пространства,
выравнивая выпуклость Земли.

Кому известно, что мы в жизни ищем?
Рука судьбы прядет свою кудель...
И рядом со славянским городищем
татарскую я вижу цитадель...

...Вино в бочонках, яблоки и груши...
Молдовы самобытна красота...
Ласкали глаз, но не задели душу
садово-виноградные места.

Посланца гор притягивают горы,
воспевший лес — поэт наверняка,
а мне с рожденья хочется простора —
в крови у русских — память степняка.

Минувшее своим арканом ловит,
вер и народов сжав конгломерат.
Во мне — частица азиатской крови,
а внук мой — чистокровный азиат.

Могучая энергия такая
в колючих сопках, золотых песках...
Взволнованно стучит, не умолкая
пульс времени у Азии в висках.

* * *

Вращает ночь
в таинственном котле
то, что прошло,
и то, что завтра будет, -
тягучий грог.
В полуночном тепле
его призывный шепот
меня будит..
Лежу и слышу:
веткой по стеклу
стучит октябрь —
мороз идёт по коже,
коварной стервой
лужу на углу
ругает
припозднившийся
прохожий.
Кромешный хаос
мечется в плену,
в тенетах
уходящего момента...
Своим дыханьем
грею тишину
и склеиваю Время
из фрагментов...

БЫТЬ РУССКИМ!

- Иван Шмелёв! —
кричу в двадцатый год,
когда от обескровленного Крыма
отчалил эмигрантский пароход...
Для нас потеря та — невосполнима.
Для нас,
рожденных через много лет,
бездушие окажется расплатой.
Ты видишь:
веры нет, и правды нет,
душа инакомыслящих распята...

...Земля и Небо
бились в рукопашной.
И, проиграв немилосердный бой,
вы брали окровавленную,
страшную,
святую землю русскую с собой.
Чем стал для вас
чужой роскошный рай?
В нём жило тело,
а душа — в России.

По-русски мир просил:
– Не умирай!
О вас по-русски жены голосили.

Писать по-русски
становилось главным:
высокий смысл нельзя перевести.
– Иван, ты оставался православным,
как православный Родину прости.
Её пути – небесные, земные –
кровавый след на гордом кумаче.
Быть русским – значит
созерцать Россию
в возвышенном,
божественном ключе.

* * *

Я сквозь пространства и века
откроюсь прошлому навстречу.

— Откуда ты?

— Издалека, —

многозначительно отвечаю.

Уйду в полёт, прыжок, поток,

да так, чтоб сердце отлетело,

освободившееся тело

уже никто догнать не смог..

Мой разум все предусмотрел,

как скинув рабские оковы,

восстать на поле Куликовом

и избежать татарских стрел.

Как воспарить и не упасть,

не обессилеть на излете

и в упоительном полёте

не угодить дракону в пасть...

Ходить в учениках Христа

я буду,

в кровь, сбивая ноги,

и заночую у дороги,

чтоб утром снять его с креста...

Но, соблюдая все условия,

не будет жизнь моя легка:

всезнающей, наверняка,

не пережить

Средневековье.

РЕКВИЕМ ПО СВЁКРУ

Светлой памяти

Целищева Семёна Никитича

Рисуют нимб над ликами святых.
Казалось мне, такого не бывает.
Но жизнь завесы тайн приоткрывает
как отголоски из миров иных.

Отправившись знакомиться к родным,
увидела спешащего по лужам
весёлого отца второго мужа,
и словно бы свечение над ним...

Он не умел волнение скрывать.
Нам стоит откровенности учиться!
Хотелось поклониться и молиться.
мозолистые руки целовать.

Он душу окрылённую носил.
Он излучал поток любви и света.
И этим светом я была согрета
и каждый, кто соприкасался с ним.

А в свёкре уживались — русский дух,
крестьянская смекалка, Божье слово.

От деда Шукаря и от святого
в нём было что-то, лучшее из двух.

И я, светлея сердцем и лицом,
счастливую судьбу благодарила,
но не за то, что сына подарила,
за то, что познакомила с отцом.

Когда он безвозвратно уходил,
в печали мы приехали проститься,
он продолжал таинственно светиться,
хотя для жизни сил не находил.

Налёт потусторонней новизны...
Он рядом был и в то же время не был.
Из глаз его в меня глядело небо
чистойшей, неземной голубизны.

...Осиротел построенный им дом.
О, как его мне часто не хватает!
Но где-то светлый дух его витает.
И для меня всегда бессмертен он.

К ВОЛОШИНУ!

Хочу уехать в Крым!
Не буду притворяться:
меня влечёт к себе
не южно-крымский пляж,
где можно загорать,
резвиться и купаться,
а у меня в страну
Киммерию вояж.
В неё я много лет
иду по белу свету.
Меняет цвет и вид
огромный материк.
А там – на берегу-
лежат сердца поэтов,
и гладит пенный вал
прекрасный сердолик...
Над Планерским – поток
и время – для полётов,
и вечны – чистый бриз
и шумная волна.
За «свору гениальных»
и «племя обормотов»
смогу я выпить в «Бубнах»
игристого вина...

Тропинка по обрыву
столетьями проложена.
По разноцветной гальке
пройду опять пешком,
надеясь на свидание:
у домика Волошина
мелькнет хитон хозяина
с полынным ремешком...

ЭКЗОТИКА

Чаруют красотой невиданные птицы,
баюкает, шурша, размеренный прибой,
диковинной любви последние страницы
слизнет волна, нахлынув, за тобой.

Не радует меня удел Шахерезады.
Российский соловей, я здесь не запою.
Ты предлагаешь рай... Но рая мне не надо!
Ты лучше отпусти на родину мою.

Не трогает души страна сплошного лета,
на жарких простынях спокойно не уснуть.
На сотни «почему» у лета нет ответа...
В обыкновенный мир прошу меня вернуть!

Туда, где ждёт меня ромашковое поле,
где серый воробей купается в пыли,
где чувствую сильнее и радости, и боли, -
на ласковую грудь моей родной земли.

РОМАШКИ

Узкая больничная палата.
Запахи болезни и лекарств
Кажется, несоразмерна плата
за часы волнений и мытарств.

Знак вниманья не даёт промашки.
Я уже здоровая вполне:
радуют весёлые ромашки
в трёхлитровой банке на окне.

Хмурый день напоминает осень.
Лес и поле где-то далеко...
А меня из серых стен уносит.
На душе становится легко.

Вдруг я понимаю: жить я буду!
(Мне и доктор это говорил)
Ты мне не цветы, а веру в чудо
и глоток надежды подарил.

ДОМ В ЧИТЕ

Зажатый между свалкой и забором,
волшебным черным кружевом одет, —
старинный дом, наверное, в котором
никто не жил уже с десятков лет.

Венец творенья русского искусства
и плотницкого дела мастеров
он вызывает трепетное чувство
в жильцах из прилегающих дворов.

Дом понемногу подгнивает снизу.
И никому нет дела, хоть убей!
С резного деревянного карниза
взлетает пара диких голубей...

Они летят всё выше, выше, выше
и видят из-под сизого крыла:
в сквозном провале потемневшей крыши
берёзка молодая проросла.

Давно в окне не появлялись лица.
Дом замирает, затаившись днём,
скрипят в ночи гнилые половицы,
и кто-то тяжело вздыхает в нём.

Дом вспоминает звук рояля низкий,
потерю обручального кольца,
любовные страдания гимназистки,
пролётку у высокого крыльца.

Он видел революции зарницы,
семеновский режим и, наконец,
как уезжал, всё, бросив, за границу
почтенный первой гильдии купец.

Как в нём жила советская коммуна.
И кухни коммунальной примуса.
В бой уходя, красноармеец юный
проститься забегал на полчаса...

Да, много в нём чего происходило!
Десятки судеб ярких и простых,
уже ушедших память сохранила,
и дом стоит, переживая их.

Парадный вход, украшенный эркером,
междуэтажный поясной узор, -
дом остаётся зодчества примером,
и на себе задерживает взор.

Немеркнушей Истории частица...
Хочу, не тратя лишние слова,
дотронуться, спасти, остановиться,
пока ещё душа его жива!

ПРОГУЛКА С МАРИНОЙ

Не цветы, а гроздь рябины
польхают у ног твоих,
темнобронзовая Марина!
Первый иней лежит на них.

Мы идём переулком гулким.
Никого... Только ты да я...
Ах, Арбатские переулки —
проходные, как жизнь моя!

Я, конечно, тебе не пара:
ничего за душою нет.
Не дал Бог словесного дара,
я — служанка, а ты — Поэт.

Рассмеялась в ответ Марина:
— Если есть слова, — говори!
Протянула мне горсть рябины,
и взлетели вверх снегири.

2. Любви неясные знаки...

О, ЖЕНЩИНЫ!

О, женщины — земные божества!
Где вам найти великого мужчину,
понявшего и тайну естества
и жизни существующей причину?

И можно ль невозможное постичь,
как тонкий запах листика живого,
рябины горькой огненную кисть
и остроту несказанного слова?

Изменчивую форму облаков,
земной свободы образ неизменный,
брожение ненаписанных стихов,
пульсацию космической вселенной,

Дрожащий блеск росинки на траве.
триумф и гибель новогодней ели,
движение мысли в умной голове.
рождение ребенка в женском теле...

* * *

В небесах рождаются браки.
Дети тоже приходят с небес.
А любви неясные знаки
начертили ангел и бес.

Со времён Адама и Евы
так и мечется человек:
то любимому треплет нервы,
то в любви клянётся навек.

Никогда наперёд не зная,
с кем возвысится, с кем пропадёт.
Он на жизнь отлучён от Рая,
но в Раю его место ждёт.

* * *

Такое
приближается прозреньё!
Я небо
задеваю головой,
плыву внизу
легкоранимой тенью
по тоненькой
травинке луговой.
И целый мир.
сейчас в моём кармане:
леса и поле,
воздух и роса...
И вновь меня
неотвратимо манят
твои
тёмно-иконные
глаза.

* * *

Мечусь по жизни
неприкаянно.
Живу – ни сердцу, ни уму.
А ты – какой-то
пресно-правильный
так, что противно самому.
Взяв на себя права учителя,
мне объясняешь суть вещей,
считая,
что весьма губительно
курить и пить
и жить вообще.
Ты где-то над землей,
над правдою.
над ложью, над бедой,
над злом.
Мне кажется:
ты знаешь главное,
два века завязав узлом.
Вне времени,
что просто завидно!
С тобой я стала молодой.
Мой книжный червь,
философ-праведник,
ты – вечно юный и седой.

СИЛА

Я о тебе пыталась рассказать,
но слов обычных просто не хватило:
живёт в тебе невиданная Сила.
Ты, верно, мог бы знаменитым стать...

Но на цепи сидит дворовый Пёс
и стережет ту Силу неустанно.
И это – Страх, невидимый, но странно –
он никому спасенья не принёс.

Всё, что случилось, ты зовёшь Судьбой...
И в таинство очерченного круга
не проберусь и я – твоя Подруга,
за частокол, воздвигнутый тобой...

Мне недоступен Двор, где правишь ты.
Я с этим миром за тебя сражалась...
Но вряд ли мне достичь (какая жалость!)
твоей непостижимой Высоты.

* * *

Не говорю ни правды и ни лжи.
Как распознать,
как различить по звуку?
Кому сказать спасибо за науку,
за чистоту отвергнутой души,
за то, что состоялась жизнь моя
ни дать, ни взять,
как говорят в народе,
за соль и снег
на скользком переходе,
за сладостную горечь бытия?

* * *

Этим ветром, этим сном,
пахнувшим дождём и мятой,
стрекозой лечу крылатой
я туда, где стол и дом.

Стол венчает самовар...
Разговоры все — в пол-уха.
День с назойливою мухой
в окнах — с видом на бульвар.

Говоришь, что ты влюблён
не в меня, а в ту, - другую,
но я зря тебя ревную —
только — голос, только — звон.

В доме том наступит ночь...
День и ночь мне это снится:
тихо скрипнет половица,
а потом — родится дочь.

* * *

Я, конечно, не уверена,
что ты будешь вспоминать.
Сколько времени потеряно —
лучше бы не начинать!
Незначительными фразами
обменялись мы тогда.
И теперь, что недосказано,
недоскажем никогда.
Но душевное томление,
что смиреньем не унять,
прикоснувшись на мгновение,
только ты сумел понять

ТАК ЧТО ЕСТЬ ЖИЗНЬ?

Ты снова говоришь
о чем-то важном:
о долге, славе,
чести и войне.
Глаза блестят
взволнованно и влажно.
А мне смешно
от этого вдвойне.
Тебе мой смех,
конечно, неприятен.
Найду ль слова
тебя разубедить?
Ты — добрый,
замечательный приятель,
но добротой
врага не победить.
Да, нет цены
твоим деяниям славным!
Ты не сердись...
Я это не в укор.
Во все века
не это было главным,
мы тратим время
на ненужный спор.

Всё на виду,
но ты проходишь мимо,
во власти
заблуждения своего.
Так что есть Жизнь?
Уму непостижимо —
Любовь и Смерть!
И больше ничего.

ВЕСНА

У весны —
девчоночьи замашки:
дразнит,
веселится
и поёт.
Каждый день весны —
особый праздник.
— Радуйся, мой друг!
Она — идёт.
Мы с тобой,
как прежде, — молодые,
и нам снова
хорошо вдвоём.
Я гляжу,
как блики золотые
расплясались
на лице твоём.
Мы сидим
на солнечной опушке,
и земля ещё парит слегка...
Я целую каждую веснушку
на твоих
ответренных щеках.

* * *

В зыбком воздухе что-то носится...
Только этому ты не рад:
упирается в переносицу
напряжённо-тревожный взгляд.

Опасаясь быть не понятым,
за словами скрывая суть?
И меня в словесные омуты
всё пытаешься затянуть.

Не хитри,
притворяясь бесхитростным!
Я же вижу тебя насквозь.
Разве сможешь ты
душу вытрясти
и повесить её на гвоздь?

В тайнике за семью печатями,
сколь неистовых сил не трать,
не найдёт своего читателя
зашифрованная тетрадь.

Не гадалка я, не пророчица.
у меня есть свои дела.
Почему же тебе так хочется,
чтобы я тебя поняла?

ЗАКОН ЛЮБВИ

Ничто не исчезает
безвозвратно.
Земные чувства,
мысли и слова,
растаяв,
возвращаются обратно
вращаться
в лабиринтах естества.
Прислушайся,
и ты услышишь Каина,
узнаешь, как был предан
братом брат,
как просит Рим
о помощи отчаянно,
что простонал
отравленный Сократ.
Слова не растворяются,
поверьте,
Все клятвы и признания
навек
стрелой Амура
на небесной тверди
запечатлел
влюблённый человек.

Для сердца
равнодушие — опасно.
Ни разу не любивший —
обречён.
А любящие —
смерти не подвластны!
Таков Любви
таинственный закон.

ПТИЦЕЛОВ

Большой переполох
начнётся в доме,
когда ты не спеша
откроешь дверь.
Твой четкий силуэт
в дверном проёме
не выветрить
из памяти теперь.
— Входи же,
долгожданная Синичка!
Захлопну «клетку»,
постелю постель.
Мне будет жаль,
коль птичка-невеличка
найдёт себе
спасительную щель.
Зачем тебе простор.
зачем свобода?
Так страшен мир
без крепкого плеча!
Нас защищают
каменные своды
и стены
из тройного кирпича.

В руках синица —
верная примета,
что в доме всё,
о чем могу мечтать.
Побудь со мной
до будущего лета!
А там...
и не захочешь улетать...

У ОЗЕРА

Рамка зеркальца озёрного
изгибается слегка.
Бродят вздохи ветра вздорного
в сизых лапах тальника.

Ни о чём меня не спрашивай,
ничего не говори,
просто, вдруг от счастья нашего
что-то дрогнуло внутри.

Ива сонная склоняется
над морщинистой водой.
Снова сердце наливается
наполняется бедой.

Наша встреча — дело случая,
птицей выпорхнет из рук.
Полуночные предчувствия
неожиданных разлук.

Где-то кромка леса дальнего
перечерчена рекой.
Жизнь без примеси печального —
неизведанный покой.

* * *

Кто ответит:
куда всё катится?
Мир раздроблен,
слезой размыт...
Я — девчонка
в линялом платыце,
ты — порочен и знаменит.
Наслаждаясь
тирадой выпрренной,
намекаешь, как надо жить,
учишь быть
свободной и искренней,
но не думаешь
мне служить.
Мы участвуем
в скучной драме,
где давно известен финал.
А стихи
о Прекрасной даме
ты когда-нибудь сочинял?
Выбираешь
роль Покровителя,
но огня нет в твоей крови.
По-крови-тели, по-крови-тели...
А девчонки хотят любви.

* * *

Говорю молитвы жаркие,
шепчу: Господи спаси!
Но мои проблемы жалкие
не решить, как не проси.

Всё написано заранее,
и идёт, как быть должно.
Отчего я птицей раненой
бьюсь то в двери, то в окно?

Посмотри, как рядом мучаюсь,
отпусти, как Бог велит!
Я давно смирилась с участью,
но душа моя болит.

Скажешь ты: «Свободна, милая!» —
и погладишь по плечу.
Всё равно, ведь, я — бескрылая,
далеко не улечу...

* * *

Ты думал,
что всё так просто:
Ушла и – вон из души.
Но в сердце
остывший остов
рассыпаться не спешит.
Со временем
хрустнут кости
нашей с тобой любви...
Хочешь проверить?
В гости
как-нибудь позови!
Чтоб то,
что казалось прахом,
вновь проросли,
окрепло
и возродилось взмахом
птицы Феникс
из пепла.
Ты не борись –
бесполезно.
Рядом я дни и ночи.
И это тебе известно.
Только ты
гордый очень.

АМАЗОНКИ

Армии кокеток, амазонок...
Стало всё, как сотни лет назад:
девочки решительней с пелёнок —
возродился вновь матриархат.

Перед боем одевают маски,
чтоб пороки не были видны,
и выходят в боевой раскраске,
как индейцы на тропу войны.

Ты в любви не ожидай победы,
если соберёшься на войну.
Чем скромнее девушки одеты,
тем скорей окажешься в плену.

Пострадавшие в пылу охоты
долго не поднимут головы:
женщины проходят, как пехота,
по лежачим шагом строевым.

Управляют, словно королевы,
направлением амурных стрел.
За движенье вправо или влево
ожидает каждого расстрел.

Пленного кормить, конечно, будет,
победившая в войне полов,
но за трусость первая осудит
тех, кто к поражению готов.

Замыслы воинственных валькирий*
не постичь ни мне и ни тебе.
Никогда не будет перемирий
в противоестественной борьбе.

** В Скандинавской мифологии — воинственные девы, предрешающие по воле бога Одина исход сражений.*

* * *

Золотой капелью листва
упадёт в задумчивый пруд.
Недосказанные слова
журавли на юг унесут.

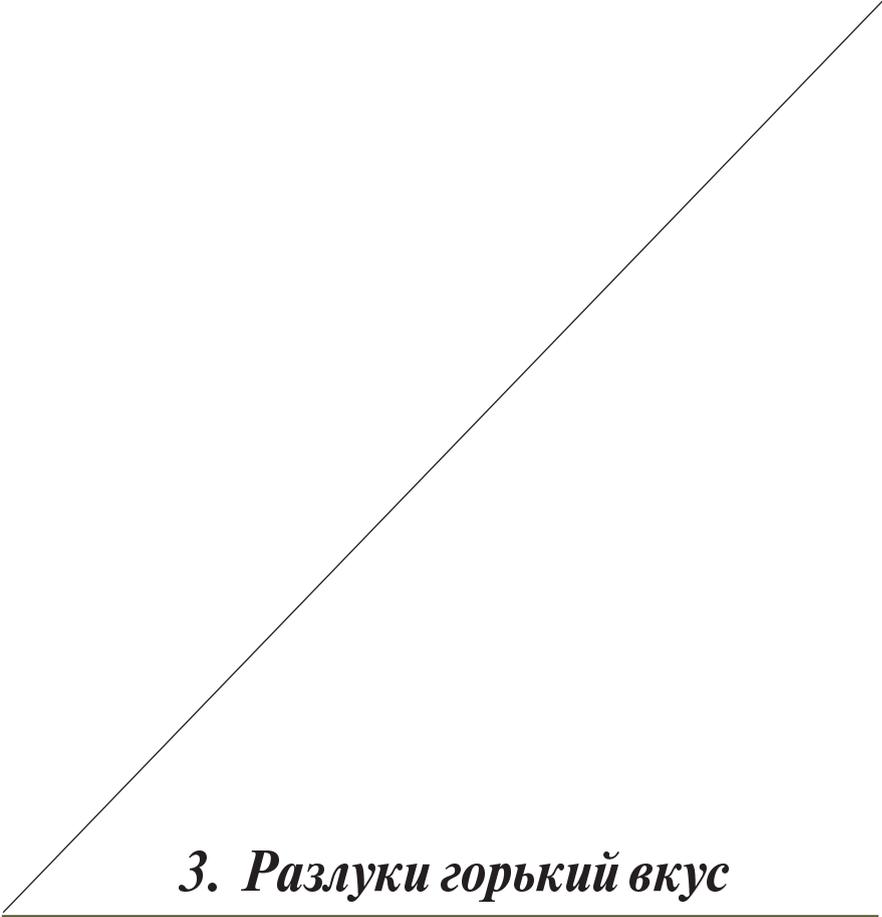
Недописанные стихи
в звёздном небе растают враз.
И останутся лишь штрихи
неоформленных мыслей и фраз.

Невостребованный привет
по земле метель разнесёт.
Скроет еле заметный след
черно-серый асфальтный лёд.

Всё сложилось у нас не так...
Снегири на снегу — как кровь,
проступает на белых бинтах —
нерастроченная любовь.

ПОДСОЛНУХ

Погладил,
приголубил,
пожалел,
ушел беспечный...
Ничего не помнишь...
А за окном
орешник облетел
и ветками зовёт
меня на помощь.
Но я сама
нуждаюсь в утешеньи,
не вскользь,
не мимоходом,
не на миг..
Подсолнух —
золотое украшение —
тяжелыми
головками поник...
За доброту
положена награда.
Я знаю,
чем тебя благодарить:
когда шаги
замедлишь у ограды,
хочу подсолнух
зрелый подарить.

3. Разлуки горький вкус

* * *

Я нам с тобой
придумала любовь
такую,
что страшнее наказания,
чтобы понять
нелепость притязаний,
чтоб заморозить
бешеную кровь,
чтоб всё забыть:
отчаянье и ложь,
всё вытравить,
развеять и исправить,
и только память
о себе оставить,
и знать,
что ты в разлуке пропадёшь.
Но месть моя
не стоит ни гроша.
Ты — добр и мил,
и бесконечно нежен,
и взгляд твой —
равнодушно безмятежен,
сомненьями наполнена душа.

И мне одной
переживать беду.
Ты, однозначно,
не протянешь руку,
усвоив беспощадную науку —
не знать,
что я в разлуке пропаду.

* * *

Стою одна перед открытой дверью,
боюсь вдохнуть и за порог шагнуть —
непостижимо адскою метелью
пропитан дом и занавешен путь...
Мой милый,
выручай меня из страха,
из паутины сонной выручай!
Ворчи, что я — мотовка, растеряха,
но предложи мне земляничный чай
и ложку
в туеске с тягучим мёдом,
и лета ароматные дары...
И я себя почувствую свободной
от умопомрачительной игры.

ЦВЕТOK

Зачем ты тогда
не сказал откровенно,
что больше не помнишь,
не любишь,
не ждёшь?

И белый цветок —
снежно-нежная пена
на зимнюю изморозь
станет похож?

Но ты не бросался
такими вещами.
хотел ты быть ласков,
галантен, не груб...

Мне воздуха не
без твоих обещаний
и даже цветок
замерзает у губ.

НОЧНОЙ ПОБЕГ

За окном рождается день.
У тебя – глубокая ночь.
конусовидная тень
от Земли, летящая прочь.
Ночь – старение дня,
говорили древние галлы.
Ночь от тебя до меня
прокладывает каналы.
От суеты бытия
скроюсь в твоём сне.
Лишь засыпаю я –
ты приходишь ко мне.
Всю ночь целую тебя,
не размыкая губ,
всю ночь обнимаю тебя,
не поднимая рук.
В плену у любви своей
всю ночь сгораю в огне,
срывая гнет простыней:
«О, прикоснись ко мне!»
Я убегаю к тебе,
скрывая движения ног,
чтобы ночной побег
никто заметить не мог.

Предотвращая рассвет,
вновь падаю с высоты
в утро, где тебя нет,
из ночи, где есть ты.
Долго лежу одна,
не размыкая глаз:
желаю доброго сна
в этот недобрый час.
Надо вставать! Семь...
День в окно заглянул.
Я проснулась совсем,
значит, ты там уснул.

ЧУЖИЕ СТИХИ

Вдохновляла нас чужая лира.
Ты читал мне все стихи подряд...
Пламенные строчки из Шекспира
ты прислал мне в город Ленинград.

Но меня — старался ты напрасно —
не задел прекрасный перевод.
Если б написал ты просто:
«Здравствуй...» —
может, вышло б всё наоборот.

Может, получилось всё иначе...
Жаль, прошёл необратимый срок!
Я сейчас, письмо читая, плачу
над тоской заимствованных строк.

* * *

Мучительно качались отношенья
на жизни неустойчивых весах.
Случайное неловкое движенье
грозило всё рассыпать на глазах.

И зыбкость, и отсутствие опоры
давали нашим чувствам остроту.
Нечаянно в пылу полуукора
я перешла запретную черту.

* * *

Нам никто, наверно,
не поможет
возвратить надежды
прежних дней.
Твои женщины
становятся моложе,
я пугаюсь седины своей.
Для чего тоски
порыв внезапный?
Вместе нам с тобой
уже не быть.
Я любовь бы
выпила по капле,
а могу лишь только
пригубить.
Что же мне
останется отныне
от безумных,
сладких,
поздних чувств?
На ладонях —
горький вкус полыни,
на губах —
разлуки горький вкус.

* * *

Лечу свободная и гордая...
Но прерываю свой полет:
не торопясь, с тобой по городу
другая женщина идет.

Глаза — восторженно-победные,
печать ладони на плече...
Она еще не знает, бедная,
что ты воистину — ничей.

В плену твоей неукротимости,
как я когда-то, станет жить,
но ей ни лаской, ни терпимостью
любви твоей не заслужить.

* * *

Ах, зачем я написала имя,
твоё имя веткой на снегу?
Я губами тёплыми своими
отогреть то имя не могу.
А оно всё мёрзнет и искрится
и глядит в заснеженный февраль...

А над лугом тем летают птицы,
летнюю украсив пастораль.

ЗА ПЕРЕВАЛОМ

Ветхих стен закоулки пыльные,
дым сиреневый над трубой...
Обещаю: я буду сильная,
если встретимся мы с тобой.

Обещаю: буду хорошая.
жестким веником замету
сожаления как горошины,
долгих лет пустых маяту.

За грядой перевала снежного,
в доме старого лесника
отогрею родного, нежного
чаем горного родника.

Как одежды сомненья сброшены —
этой ночью ты только мой...
От лыжни следы запорошены,
и никто не спешит домой.

ПОЛНОЧНЫЙ ВОР

Я в накинутаой наспех куртке
побегу через стылый двор...
Напевая песню о Мурке,
меня встретит полночный вор,
остановит (немного пьяный):
— Деньги и тебе — конец!
Он обшарит мои карманы,
не найдя на руках колец.
А в кармане — четыре камешка,
что бросал ты в моё окно,
и потрёпанное по краешку
в сгибе порванное письмо.
Зазвенит..
— Неужели золото?
Но блеснёт в сероватой мгле
плоский ключ от дома, которого
уже нет на этой Земле...
Ничего не увидев ценного,
сплюнет и зашагает прочь.
Буду я одна во Вселенной
коротать безлунную ночь.

* * *

Разлепив у жизни страницы,
все узлы на судьбе развязав,
научилась читать по лицам
и без страха смотреть в глаза.

Поневоле привыкнув к неволе,
я совсем перестала летать.
Научилась плакать от боли,
а не мужественно страдать.

Пережив немилость и милость,
научилась срезать углы.
Не заметила, как уместилась
моя жизнь на конце иглы.

Та игла,
словно смерть Кощеева —
в голубином яйце одном,
а голубка — в гнезде на дереве,
что растёт под твоим окном.

СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА

Замок сер, тяжел и мрачен.
В замке том живет беда.
Кто-то в нем ночами плачет.
Стынет горькая вода...
Никому из темной чаши
не найти к нему пути.
Ветер жалобней и чаще
просит пленницу спасти.
Зверь присядет у порога,
чутким ухом поведет.
Только дальняя дорога
и его, наверно, ждёт.
В сказке вырвана страница...
Спит охотничий рожок...
Иногда лесная птица
плавный делает кружок...
Что с красавицею будет?
Эхо тает в глубине...
Замок этот не разбудит
принц, убитый на войне.

* * *

Были они разные.
Что их связало вместе?
Он жизнь презирал праздную,
она не сидела на месте.
Зябликом беззаботным
сновала почти вприпрыжку.
Если была свободна —
читала умные книжки,
мечтала о светлом доме
у озера на берегу,
где и лето в истоме,
и камыши — в снегу.
А жили в каморке тесной
бедно и как придётся
под теневой завесой
глухого двора-колодца.
Её тянуло упорно
в мир иллюзий и рифм,
ему же было комфортно
среди циркуляров и цифр.
Она напевала песни,
а он, если шел рядом,
казался совсем пресным,
асфальт бороздя взглядом.

И думал, идущий мимо:
— Как они не похожи:
она — обострённо ранима,
а он — такой толстокожий!
Она его тормозила:
— Нам не родиться дважды.
И так она жить спешила,
что споткнулась однажды...
Её уже нет на свете —
сердце стучать устало.
Ему на шумной планете
совсем одиноко стало.
Он растерялся даже,
словно больной ребёнок.
Больше она не скажет:
— Вербочка — как цыплёнок!
И на ладонь не положит
птицам кусочки хлеба...
И впервые, быть может,
он поглядел на небо.
И — глаза на распашку,
а на душе — покой.
Облаку в белых кудряшках
он помахал рукой.

УТРО

Утро.
Вновь полоска неба
в не зашторенном окне.
Верю я,
что, где б ты ни был
все равно
придёшь ко мне:
вверх
по лестничным пролетам,
не считая этажи...
Я сейчас без веры этой
не смогла бы дня прожить.
Хочешь знать,
как ты мне нужен?
Сердце плавится в груди.
Хоть на завтрак.
хоть на ужин
непрерменно приходи!
И прости за недоверье!
Ты обиды не таи.
И опять шаги за дверью
так похожи на твои!

* * *

Всё как-то не так: ненадёжно,
не остро, не сильно, не зло,
не страшно, и даже, возможно,
мне в жизни во всём повезло.

Возрадуюсь пресненькой скуке,
не буду роптать на судьбу,
под траурно-гордые звуки
утешусь смиренно в гробу.

Но в грудь (наказанье забвеньем)
осиновый кол надо вбить,
чтоб не было мне воскресенья
за то, что не смела любить!

* * *

На линии смирения и отчаянья,
на мёртвой безымянной полосе
он появился словно бы нечаянно
потусторонний не такой как все.

С повадками языческого мага,
невозмутимый с головы до пят:
— Всё — тлен и прах.
Твои стихи — бумага,
а рукописи, правда, не горят!

Он уводил меня в такие дали!
Такие мне показывал места!
И вместе мы такое увидали,
жизнь начиная с чистого листа!

Он говорил мне глупой и зелёной:
— Как я писать не можешь, не пиши.
И выжигал тавро своё калёное
на рукописи трепетной души.

* * *

О, желанная свобода!
В небе ангелы трубят.
Руки – крылья для полёта,
улетаю от тебя,
от горящих глаз бездонных,
от обмана и страстей,
от неписанных законов,
от губительных вестей,
от твоих терзаний сладких,
от брожения в крови,
от стихов в ночной тетрадке,
от любви и не любви...
Я проветрюсь и отмоюсь,
телом сделаюсь чиста,
отмоюсь и успокоюсь.
Дальше снова – пустота.

* * *

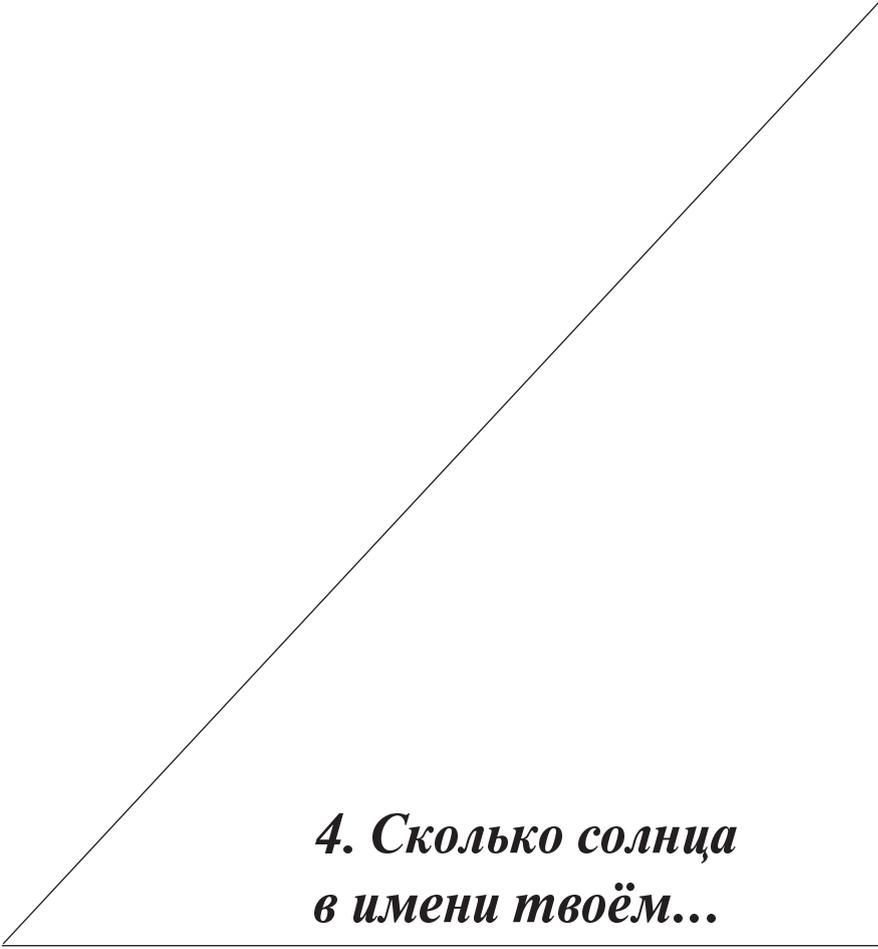
Всё в жизни
совершается случайно,
но каждый вдох
неповторим в веках.
Мы были в шаге
от Великой тайны
и мир держали
в собственных руках.
Как мы любили,
плакали и пели!
Так, что же нам
всегда мешает так?
Мы были в шаге
от желанной цели,
но не решились
на последний шаг.

ДАЛЬНИЙ БЕРЕГ

Я гляжу на дальний берег:
выступ в крапинках слюды,
у воды — лесного зверя
косолапые следы,
побелевшая коряга
лодкой выплыла на плёс,
где старательская драга
поработала всерьёз.
Мошкара клубится роем,
небо начало сереть...
Ближний берег мной освоен,
больше не на что смотреть.
Знаю, вспомнишь, осуждая:
— Неустроенный такой!
Ни на что не променяю
дальний берег за рекой!

* * *

Как остры облака в горсти!
Как закат обжигает сердце!
Снова хочется наскрести
горстку соли, щепотку перца,
задохнуться и задрожать...
Руки – к небу, а душу – Богу,
и детей от тебя рожать
на тряпье кибитки убогой,
и бежать за тобой и ждать,
зная: ты неверен как ветер,
и тебе предстоит блуждать
и на том, и на этом свете.
Ты, мой странник,
не Дон Кихот –
кони, степи, колчан и стрелы...
Ты веками летел вперед,
я веками вослед глядела.
Сколько ты истоптал дорог?!
Я в окне зажигаю свечи,
чтобы ты обнаружить смог
место нашей последней встречи.

***4. Сколько солнца
в имени твоём...***

* * *

Тропинка заметна еле...
Здесь торной дороги нет.
Ты – свет мой
в конце тоннеля,
немеркнущий, яркий свет.
Я Бога просила:
«Мне бы
коснуться судьбы судьбой».
И бог мой
спустился с неба,
спустился
и стал тобой.

СЕРЕБРЯНЫЙ РЫЦАРЬ

Мой славный серебряный рыцарь —
знаток быстроногих коней,
какие унылые лица
господствуют в свите твоей,
какие надменные дамы
алкают сражений и драм!
Я дам исцеляющий раны
настой и любовный бальзам...

Мой милый серебряный рыцарь,
доспехам души не спасти...
А я буду ждать и молиться,
тебя охраняя в пути.
Турниры, пиры и парады
от жизни простой далеки.
Тебе обещает награду
касание прелестной руки...

Мой гордый серебряный рыцарь,
в тебе благородная кровь,
не может со славой сравниться
презренной плебейки любовь.
Победно направивший мимо
толпы боевого коня,
не знаешь, что ты —
мой любимый,
и даже не видишь меня.

* * *

Кто ты?
Наказанье? Награда?
Не Бог, но отменно сложен,
смятенье мужей и услада
в довольстве скучающих жен.
Кто ты?
Перед образом чистым
хочу на колени упасть
и, вняв завереньям речистым,
попасть в безраздельную власть,
смиренною стать и покорной
(теперь все решай за двоих!).
Не все ли равно —
белый, черный
оттенок у крыльев твоих.
В слепую обрушиться бездну,
достигнуть святой высоты
и тело распять
и воскреснуть,
и ведать,
что ты — это Ты.

* * *

Что в слове «три» — гармония, отрава?
Тоской наполнен тайный смысл числа.
Мы делим на троих (о, Боже правый!)
твою любовь. Она — источник зла.

Ты — как сосуд с густой восточной кровью...
С каких сторон на это не смотри,
но вряд ли называется любовью
альянс — мужчина, а избранниц — три.

И дело не в твоём грехопаденье,
в тебе — не грех, и в нас порока нет.
Ты любишь жизнь. И странно удивленье,
что стал твоим пророком Мохаммед.

Ты хладнокровно шар вгоняешь в лузу,
не мучаясь ни страстью, ни виной...
Три женщины, три грации, три музы!
Прости, но ты не стоишь ни одной.

* * *

Взлетали вместе...
Мир вокруг — безбрежен.
Любовью
назывался наш полёт.
Ты был
неистов,
яроsten
и нежен
и растопил
предубежденья лёд...
И был закат
неимоверно алым,
зажженным
от огня твоей души.
И на закате
сопка так пылала,
что никогда
ее не потушить!

* * *

Беспечный,
невинно-порочный,
небрежный и грешно-земной,
связал ты нелепо, но прочно
нетленные узы со мной.
Ты прав и не прав...
Перед Богом
мы все, безусловно, равны,
но как бы не вылезло боком
не смытое чувство вины!
Всё наспех,
легко,
ненадёжно...
В метаньях сменяется век...
А счастье так было возможно,
единственный мой человек!

* * *

Твой жаркий поцелуй
занёс смертельный вирус.
Он воспаляет кровь,
он сердце берedit.
Я поддалась ему,
он осмелел и вырос,
он властвует во мне,
он мной руководит.
Преследует меня
больное наважденье,
что я не знала жизнь,
лишь слышала о ней.
Но стал ли этот день —
днём моего рожденья?
А, может, это был
день гибели моей?

* * *

Я свои не рассчитала силы.
С кем столкнулась —
было невдомёк.
Почему огня не погасила?
Он и заглянул на огонёк...

Образ его чистый и прекрасный
в сердце мне носить, не износить...
И теперь, действительно, напрасно
у судьбы спасения просить.

* * *

А встреча была такой
нелепою и случайной!
Не выпало нам другой
из тысячи разных встреч.
Я буду её беречь,
оставшись
случайной Тайной.
и пусть не заходит речь
о таинстве
наших встреч.
Я только — строка в судьбе,
число
в донжуанском списке.
Об этом жалеть тебе,
об этом судить не мне...
Я чувствую,
что не надо
к тебе приближаться
близко,
ведь та,
что с тобою рядом,
сгорает в твоём огне.

* * *

Закат смущенный тих и нежен,
но знаем мы, чего хотим.
И шаг последний неизбежен.
Как гром в грозу неотвратим.

И мне уже мешает платье,
и участь губельно ясна...
Сама лечу в твои объятия,
как мотылёк на крыльях сна.

Касанье губ медово-сладко,
вино бурлит в моей крови...
И я сгораю без остатка
В безумном пламени любви.

* * *

Он вглубь глядел
проникновенным взглядом
и любовался тем,
что видел там.
Сидел поодаль,
а казалось — рядом,
слова мои, читая по губам.
И жаждал он
на миг соединиться,
а мне же показалось —
на века...
Моих волос
коснулась словно птица,
прекрасная
прохладная рука.

* * *

Напряженно глядели в оба:
— Не обманемся в этот раз?
Дельфинёнок мой,
крутолобый,
для чего тебе пара глаз?
Для чего тебе
чуткий-чуткий
и почти звериный инстинкт,
если в новую злую шутку
сокровенное превратим?
Для чего тебе сердце, если
не трепещет оно в груди?
Пой
о любящем сердце песни
и покоя не находи!

* * *

Любви желал,
победы добивался.
О, как сладка
губительная власть!
Как ты бесстрастно
страсти предавался,
стремясь в любви
навластвовать всласть!
А ты держал в руках
живую душу,
которая могла бы
стать твоей,
но ты молчал
и равнодушно слушал,
не понимая,
что же делать
с ней.

* * *

О, сколько блудниц и прелестниц
Воруют тебя у меня!
У скольких веревочных лестниц
Бросал ты лихого коня!?

До смерти ты будешь гордиться
Набором любовных побед.
И надо же было влюбиться
В источник страданий и бед!

Глаза я закрыть не успела,
Ушей не успела заткнуть...
И воля покинула тело,
И сердце отправилось в путь.

Метнулось бездумно и пылко...
Я чувствую — это конец.
Пополнило сердце копилку
Разбитых тобою сердец.

* * *

Величавое море
шуршало и пело,
натирало язык
о прибрежный песок,
выгибало своё
совершенное тело
и готовило новый
азартный бросок...
Так и ты
сладо страстно
играешь со мною.
В каждой
выходке моря
тебя узнаю.
Это ты
неустанно
волна за волною
омываешь
бессмертную
душу мою.

* * *

Я сначала
бездумно дышала тобой,
каждой клеткой вбирая тебя,
но затем,
ощутив за грудиною боль,
поняла: отравила себя.
Всё смешалось во мне:
там — и я, там — и ты,
там — надежда,
тоска и любовь...

Омывает
взращенные в сердце цветы
на мою не похожая кровь.
Только ты не такой
чтоб жалеть и вздыхать!
- Я влюбляться в себя
не просил!
И тогда я тебя начала...
выдыхать
из последних
отчаянных сил.
Выдыхать
чужеродную сущность твою,
что во мне поселилась губя...

Даже если
всю выдышу душу свою,
не избавиться мне от тебя.

РОМАНС

Я тебе придумываю имя.
Только, как тебя не назови,
ты живёшь
и здоровствуешь с другими,
о моей не ведая любви.

Перебрав в уме все выраженья
проявлений беспокойных чувств,
отпускаю — плод воображенья —
твоё имя с молчаливых уст.

Смелые мечты — пустое дело.
Понимаю: нам не быть вдвоём.
Только в сердце всё же потеплело.
Сколько солнца в имени твоём!

* * *

Говорю о твоём совершенстве
убеждённо и верю сама.
Ожидала любви и блаженства,
а на деле — сходила с ума.

Вот такая сложилась дилемма!
Мне её не исправить вовек.
Как живут в тебе ангел и демон,
удивительный мой человек?!

Мы находим дорогу по звездам,
но тревожно под полной луной.
Скоро будет, действительно, поздно
из любви выбираться одной.

* * *

В постоянном желании
плотских утех
ты опять повторяешь
историю тех,
кто, прожив на земле,
не заполнил ни дня,
кто костер разложил
и замерз у огня.
Как тебе удалось
убежать от любви?
Чем лечил ты
хмельное брожение в крови?
Ты гордишься,
что жизнь проживешь не любя.
Ты и небо, и землю
украл у себя.

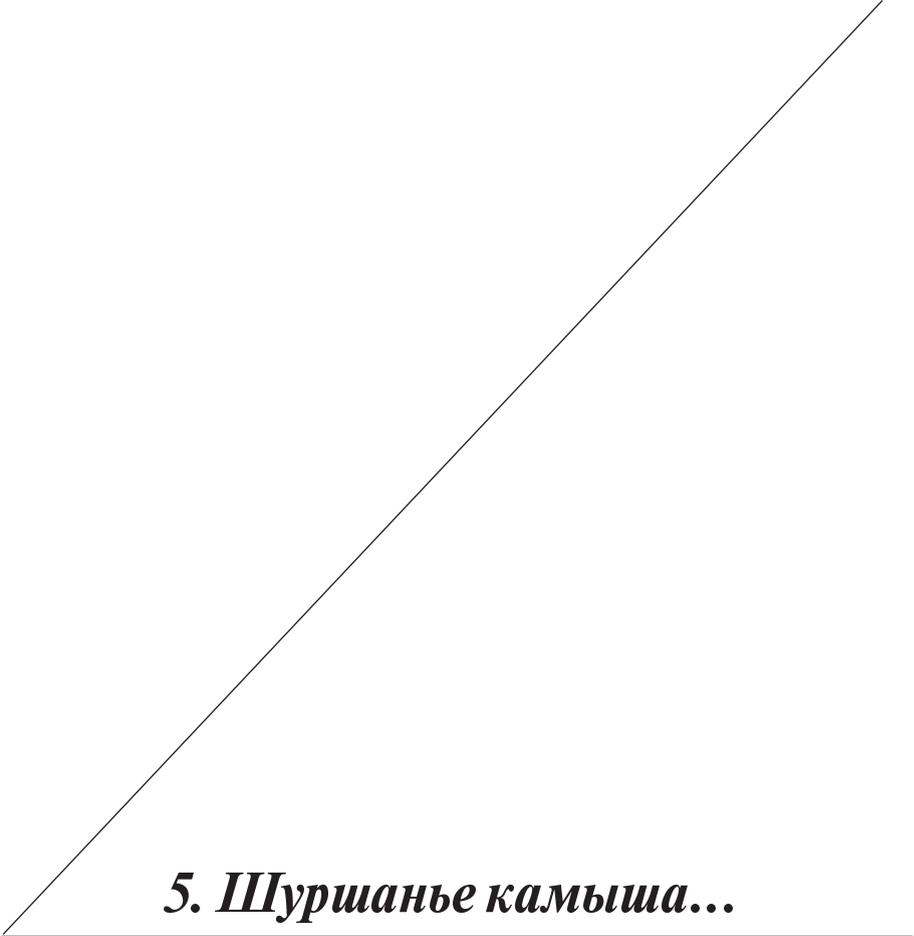
* * *

Весь ты мой.
от мгновенья,
как только родился,
хоть и жил без меня
и с другой разводился.
Хоть испробовал всё:
и паденье и славу...
Весь ты мой,
и моим остаёшься по праву
первых слов, первых снов,
первородного вдоха...
Говоришь, что и так тебе
было неплохо.
Может быть, может быть...
Я считаю иначе:
ты был мне, только мне
навсегда предназначен.
Весь ты мой.
И я, кажется, в это поверю,
как я верю в судьбу
и в открытые двери.

ГОРОД

Ты — город,
в котором живёт
мой любимый,
ветрами томимый,
богами хранимый.
Ты, древний и юный,
раскосо- восточный,
несешь между сопок
огней многоточье...
К тебе обращаюсь
в преддверье разлуки:
— Пусть помнит он
только горячие руки,
смешные стихи
и бравурные песни,
дворняг и котов
симпатичных, а если,
меня не увидев,
он вдруг удивится,
пошли ему
с лёгкой походкой девицу.
Люби его, город!
Он — лучший на свете!

Веселой улыбкой
буди на рассвете.
За ним не следи,
поступая жестоко,
надменно-слепыми
глазницами окон.
Храни его, город, —
вселенной частицу,
и с ним никогда
ничего не случится!
Дари ощущение
тепла и уюта.
За это тебя
никогда не забуду!

5. Шуршанье камыша...

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

С рождением обретая целый мир,
мы рвёмся от Земли к небесной выси.
Хоть верой в Бога сотворён кумир,
но многое порой от нас зависит...

... И в первый день свой я построю дом,
накрою стол и соберу друзей.
А день второй мы проведём вдвоём.
Огонь любви — основа жизни всей.

Наступит утро. Мы посадим сад.
Пусть наши дети в нём увидят свет,
почувствуют божественный закат,
предчувствуя божественный рассвет!

День третий Иисуса воскресил...
Я буду сына на руках качать,
чтобы и он сумел набраться сил
за сотворенье мира отвечать.

В сиянии космических светил,
Луны и звёзд придёт четвёртый день.
Я пятый бы знакомству посвятил
с бессмертными твореньями людей.

Я в день шестой воздвигну светлый храм.
Поселится в том храме Благодать,
то как спасенье от душевных ран,
чтобы своим потомкам передать.

... И колокольный звон со всех сторон.
Я на иконах — сын, отец и мать.
И можно уходить — мир сотворён,
чтоб снова без меня существовать.

ПОЭТЫ

Поэты — не ходят,
поэты — летают.
И каждому места
на небе хватает.
Но часто — как часто! —
уходят до срока
по взмаху руки
беспощадного рока.
И рвутся рубашки,
в которых родились,
кольчуги, которыми
в жизни гордились.
За совесть, за боль,
что собой воплощают,
их сильных и грешных
на небе прощают.
Стихи их — молитвы,
их души — как раны...
Поэты — как свечи,
поэты — как храмы!

ПУТНИК

Шел да шел усталый путник,
отдыхал на перепутье,
в непогоду и распутье,
и никто не знал — куда.
Говорил: «Все в жизни канет,
лишь дорога не обманет.
За собой скитальца манит
путеводная звезда».
Описал Стамбул и Краков,
то как мир неодинаков,
семена цветов и злаков
разносил он далеко,
рассыпал стихи и фразы,
достоверные рассказы...
От его улыбки сразу
как-то делалось легко.
Не искал себе уюта,
не рассказывал — откуда,
но казалось почему-то —
был он каждому знаком.
Образ вечного бродяги,
мудреца и забияки,
им оставленные знаки
долго помнили потом.

Так в движенье постоянном
он сменил века и страны,
пересел с аэроплана
в самолёт, на пароход...
Только знаю, что однажды
прорастёт дорога в каждом:
утоляя странствий жажду,
люди двинутся в поход.

ЧАЙ ИЗ МЯТЫ

Снова катится лето к закату..
Воздух утром прохладен и сед.
Собирает душистую мяту
у ручья молчаливый сосед.

Он развесит её на веранде,
будет чаем меня угощать
с обещанием полных гарантий
безмятежность душе возвращать.

Я растаю, сливаясь с природой,
я в траву превращаюсь сама.
И уже не смущает погода,
и уже не пугает зима.

Зелень глаз заморозит соседа,
мятных губ разомкнётся печать.
Буду пить уходящее лето
и без боли тебя вспоминать.

КАК НАДО ЖИТЬ?

Как надо жить?
Не каждый понимает.
В сомненьях Гамлет:
быть или не быть?
Мой старый друг
меня не вспоминает,
а враг не хочет
обо мне забыть.
Но если я его обезоружу,
прощу обиды,
не попомню зла?
Открою двери и открою душу:
– Смотри, мой враг, –
душа моя – светла.
А у тебя –
поражена недугом.
Давай же крест
поставим на войне!
И станет враг мой
самым лучшим другом,
ведь только он
всё знает обо мне.

РАЗГОВОР С ДОМОВЫМ

Дедушка-соседушка,
выйди из угла!
Положу я хлебушко
посреди стола.
Мы наполним чашки,
выпьем не спеша.
Вместе сварим кашки —
будет хороша.
Разогревшись чаем,
дружбу заведём.
Мы, ведь, отвечаем
за наш общий дом.
Мужу всё «до лампочки»,
лишь бы есть да спать,
чтобы были тапочки
да мягка кровать.
отварил пельмени -
никаких забот.
Отупел от лени
толстый рыжий кот.
Было время, помнится,
и любовь была,
погостила в горнице,
а потом ушла.

Голова уж белая,
так вот и живём:
молча дело делаем,
молча хлеб жуём.
Слушаю со свечкою
ночи напролёт,
но сверчок за печкою
больше не поёт.
Даже сын единственный
словно стал чужой,
дом хороший выстроил,
очерстев душой.
Он без приглашения
в гости не придёт,
лишь на день рождения
да под Новый год.
Домовой, потопай,
порезвись сполна,
чтобы стала тёплой
каждая стена.
Видишь, дому нужен
звонкий детский смех,
Ты к столу на ужин
собери нас всех.

Если не получится
душу в дом вдохнуть,
заручусь попутчицей
и отправлюсь в путь.
Дедушка-соседушка,
выйди из угла —
оставляю хлебушко
посреди стола.

* * *

Ухожу в скитанье по радуге,
собираю подружек дюжину,
уплываю в ладье по Ладоге...
Не зови меня, мама, ужинать!

Сок берёзовый — опьянение!
одуванчики — взрывно-кожие...
Пью за день своего рождения
молоко от коровки божией...

Что? Зима?
Снежинок кружение.
От саней —
две большие линии.
А я — требую продолжения!
Улетаю...
Зовут по имени!

* * *

В душе поют
взволнованные струны.
Но я
наивных песен
не стыжусь.
Кажусь себе я
маленькой и юной
и беззащитно-трепетной кажусь.
Пусть в волосах
искрится прядь седая,
но разве есть
у возраста предел?
Ведь ты мне шепчешь:
«Вечно молодая...» -
и смотришь так,
как в юности глядел.

УТЕШЕНИЕ

Забудь свою печаль и грусть.
Я в нежном танце листопада
тобой излюбленного сада
листочком щеки твоей коснусь.

Прижмись к морозному окну,
не плачь, что годы пролетели.
Я в вихре бешеной метели
снежинкой слезы промокну.

Ты бродишь в веренице лиц,
от одиночества слабея.
Лучом весны прорвусь к тебе я,
лихой капелью, пеньем птиц.

А если сердце дало сбой,
послушай: застучал кузнечик,
как летним утром нашей встречи,
морзянкой выбив: «Я — с тобой!»

* * *

Я в твой мир врывалась не раз.
Там крушила всё и ломала,
но мне этого было мало,
я тебя настигла сейчас.

Нападенья уже не ждал
и почти перестал бояться,
что я буду опять смеяться,
остепенилась я, считал.

Ты рискнул остаться вдвоём.
Я, тебя приласкав немножко,
изворотливой рыжей кошкой
незаметно проникла в дом.

В море нежности утоплю,
говорить про любовь заставлю!
Я стихами тебя прославлю,
возвеличу и погублю!

ЗАДАЧКА

Позабыл о встрече.
И не надо!
Всё-таки немного подожду..
Я впервые,
может быть, не рада
тихому осеннему дождю.
Вероятно,
он - всему помеха?
Зря на беззащитного грешу..
Просто,
мне сегодня — не до смеха:
жизненной задачи не решу.
Что дано мне?
Это ожиданье
в опустевшем сквере
под дождём.
О несостоявшемся
свидании
ты не вспомнишь
никогда потом.
Отпадают
правила сложенья —
нужного слагаемого нет.
И самой мне
принимать решенье,
и самой
придумывать ответ.

СНЕГ

Кружевная
изморозь ветвей
у равнины
вызывает зависть:
в зимней
обнаженности полей
вымерзает
будущая завязь.
Распрямляя серое крыло
над землёй
нависла туча-птица.
А над ней —
пронзительно светло
океан воздушный
серебрится...
Вот — он!
Наслаждайся и дыши
чистотой,
просыпавшейся с неба!
И созвучна
музыка души
с яблочным
похрустываньем снега.

ЯБЛОНЬКА

Да, погода совсем не майская!
Кружат птицы в недоумении...
Только яблонька забайкальская
замерла в весеннем цветении.

Она кажется такой искренней,
южной пенной красой радуя!
Лепестки с розоватой искоркой
обдаёт дождевой прохладой.

Уплывёт в белоснежном облаке...
Вероятно, к исходу лета
заиграют «райские» яблоки
на корявых кончиках веток.

Они будут размером с вишню.
Положу на ладонь твою,
чтобы с нами беды не вышло
в нашем милом земном раю.

О ЧЕСТИ И СЛАВЕ

Встречаясь с другом во дворе
и на скамейке в сквере,
мы говорим не о Добре,
не о Любви и Вере,
а, продолжая давний спор,
о чести и о славе.

На то мы делаем упор,
что нас судить не вправе
ни разжиревший бюрократ
с чиновниками вместе,
(у них - своё, как говорят,
понятие о чести),
и ни продажный прокурор.
Ведь, кто сидит на нарах?
Народ. А настоящий вор
гуляет на Канарах.

Нам жаль старательных служак
в цивильном и в погонах,
тех, кто сверяют каждый шаг
с порядком и законом.
Давно порядок заменён
тюремным беспределом,
и занимается закон
повальным переделом.

У славы тоже образ свой:
фальшивые кумиры
во лжи погрязли с головой,
скупив почти полмира.
А где же слава по труду,
заслуженная слава?
И вот налево я иду,
а он идет направо...
Не получился разговор,
и, видно, не получится.
Пока в чести подлец и вор,
вот так и будем мучиться!
Придёт, наверно, Божий суд,
и мы за всё ответим...
Но только кто ответит тут,
на этом белом свете?
На Запад нечего пенять!
Не обойдёшься шутками,
пока в стране мечтают стать
девчонки проститутками.
И чем гордиться, не пойму:
статистикой позорной?
Сегодня больше чем в войну
мальчишек беспризорных.

К чему молебны о царях,
призывы к демонстрации,
когда сгноили в лагерях
и честь, и славу нации?!
И ни к чему не приведёт
словесная поллюция:
гляди, и вновь произойдёт
безумство — революция.
Опять! Какого же рожна
идти без брода в воду!
И неужели плеть нужна
российскому народу?
Решаем: быть или не быть!
И нет печальней повести...
А надо научиться жить
по чести и по совести.

* * *

Барабанщик, играй победу!
Враг бежал от осадных стен.
Среди нас победителей нету
и желающих сдаться в плен.

Упиваясь своей свободой,
заковала сердце в броню.
Не ищи особых подходов —
измотаю и прогоню.

Избежав любовной напасти,
я спаслась от тебя, а затем.
свою жизнь, разломав на части,
прожила не так и не с тем.

Я носила в себе, не зная,
сердце, занятое тобой.
Сколько сил потратила зря я!
Барабанщик, играй отбой!

* * *

Я таким хочу тебя любить:
остроумным, дерзким и веселым,
и в карман не лезущим за словом,
без терзаний «быть или не быть?».
Быть, конечно, непременно быть!
Радоваться солнцу на рассвете,
торопиться жить на белом свете
и меня без памяти любить!

* * *

Не бережем того,
что в жизни слишком,
пугаясь сглаза, не глядим в глаза.
Мы верим всяким
чародейским книжкам,
в гаданье, ворожбу и чудеса.
Потворствуем
мистическим обрядам,
иначе жизнь неинтересна нам.
Готовы всё отдать мы,
если надо
вещуньям, магам,
ведьмам, колдунам.
Хотим достичь успеха и победы
и молимся
усердно и всерьез.
По сути, мы — язычники и веды.
Зачем за нас
так мучился Христос?!

ПТИЦА

Кричала птица что-то иступлённо
хотела, видно, высказать своё.
Затерянную в зарослях зелёных
я обнаружить не могла её.

Летели крики из густого сада,
и песней их никак не назовёшь.
Вокруг была высокая ограда,
и даже если хочешь — не спасёшь.

Там — особняк «крутого» олигарха,
туда не впустят никогда чужих.
Жалея соплеменницу, над аркой
кружили острокрылые стрижи.

И зачастую в жизни так бывает:
кто послабей, того прогонят прочь...
Твоя любовь о помощи взывает,
а я опять не в силах ей помочь.

* * *

Шуршаньем камыша,
речной осокой,
закатным солнцем,
жесткою травой
и даже чем-то
более высоким
навек вместе
связаны с тобой.
Христовой кровью
и вселенской болью,
рождением в муках,
страхом умереть,
щемящим вздохом
и такой любовью,
что разлюбить
нам просто
не успеть!

СОДЕРЖАНИЕ

В. В.Сорокин. Предисловие.....	3
---------------------------------------	----------

1. С РОЖДЕНИЕМ ОБРЕТАЯ ЦЕЛЫЙ МИР...

Вершина.....	9
Подарки.....	10
Время перемен.....	11
Азия.....	14
«Вращает ночь...».....	16
Быть русским!.....	17
«Я сквозь пространства...».....	19
Реквием по свёкру.....	20
К Волошину!.....	22
Экзотика.....	24
Ромашки.....	25
Дом в Чите.....	26
Прогулка с Мариной.....	28

2. ЛЮБВИ НЕЯСНЫЕ ЗНАКИ...

О, женщины!.....	31
«В небесах рождаются браки...».....	32
«Такое приближается прозрень!».....	33
«Мечусь по жизни неприкаянно...».....	34
Сила.....	35
«Не говорю ни правды и ни лжи...».....	36
«Этим ветром, этим сном...».....	37
«Я, конечно, не уверена...».....	38
Так, что есть жизнь?.....	39

Весна.....	41
«В зыбком воздухе...».....	42
Закон любви.....	43
Птицелов.....	45
У озера.....	47
«Кто ответит: куда всё катится?..».....	48
«Говорю молитвы жаркие...».....	49
«Ты думал, что всё так просто...».....	50
Амазонки.....	51
«Золотой капелью листва...».....	53
Подсолнух.....	54

3. РАЗЛУКИ ГОРЬКИЙ ВКУС...

«Я нам с тобой придумала любовь...».....	57
«Стою одна перед открытой дверью...».....	59
Цветок.....	60
Ночной побег.....	61
Чужие стихи.....	63
«Мучительно качались отношенья...».....	64
«Нам никто, наверно, не поможет...».....	65
«Лечу свободная и гордая...».....	66
«Ах, зачем я написала имя?..».....	67
За перевалом.....	68
Полночный вор.....	69
«Разлепив у жизни страницы...».....	70
Спящая красавица.....	71
«Были они разные...».....	72
Утро.....	74
«Всё как-то не так...».....	75
«На линии смиренья и отчаянья...».....	76

«О, желанная свобода!..».....	77
«Всё в жизни совершается случайно...».....	78
Дальний берег.....	79
«Как остры облака в горсти!..».....	80

4. СКОЛЬКО СОЛНЦА В ИМЕНИ ТВОЁМ!..

«Тропинка заметна еле...».....	83
Серебряный рыцарь.....	84
«Кто ты? Наказанье? Награда?..».....	85
«Что в слове «три»?..».....	86
«Взлетали вместе...».....	87
«Беспечный, невинно-порочный...».....	88
«Твой жаркий поцелуй...».....	89
«Я свои не рассчитала силы...».....	90
«А встреча была такой нелепою...».....	91
«Закат смущенный тих и нежен...».....	92
«Он вглубь глядел...».....	93
«Напряженно глядели в оба...».....	94
«Любви желал...».....	95
«О, сколько блудниц и прелестниц!..».....	96
«Величавое море шуршало и пело...».....	97
«Я сначала бездумно дышала тобой...».....	98
Романс.....	99
«Говорю о твоём совершенстве...».....	100
«В постоянном желании...».....	101
«Весь ты мой...».....	102
Город.....	103

5. ШУРШАНЬЕМ КАМЫША...

Предназначение.....	107
Поэты.....	109

Путник.....	110
Чай из мяты.....	112
Как надо жить?.....	113
Разговор с домовым.....	114
«Ухожу в скитанье...».....	117
«В душе поют...».....	118
Утешение.....	119
«Я в твой мир...».....	120
Задача.....	121
Снег.....	122
Яблонька.....	123
О чести и славе.....	124
«Барабанщик, играй победу!..».....	127
«Я таким хочу тебя любить...».....	128
«Не бережем...».....	129
Птица.....	130
«Шурианьем камыша...».....	131

Современная русская поэзия

Галина Ивановна ЦЕЛИЩЕВА

Звезда любви

Стихотворения

На 1-й стр. обложки –
картина художника К. Васильева «Нежданная встреча»

Редактор – Н.И. Дорошенко
Технический редактор – Е.И. Косырева

Подп. в печать 8.05.2009 г. Формат 70x100 ¹/₃₂
Бумага офсет №1. Гарнитура Newton С.
Печать офсетная. Печ. л. 8,5.
Тираж 1000 экз. Заказ №

АНО «Редакционно-издательский дом «Российский писатель»
119146, Москва, Комсомольский пр-т, 13
тел./факс: +7(499)246-58-43
sp@rospisatel.ru
www.rospisatel.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного издательством электронного оригинал-макета
в ГУП «Клинцовская городская типография».
243140, Брянская обл., г. Клинцы,
пер. Богунского полка, 4а
тел.: 8(48336) 4-24-56; 4-04-18; 4-35-89.

В книгу Галины Целищевой – поэта и прозаика, члена СП России, лауреата литературной премии им. А.П. Чехова, кавалера Золотой Есенинской медали – вошли избранные стихотворения из поэтических сборников, изданных в разные годы.

Творчество Галины Целищевой отличается глубиной и удивительной открытостью чувства, изысканной простотой и, вместе с тем, предельно ёмкая изобразительность поэтического слова.

ISBN 978-5-91642-011-1

9 785916 420111